

УДК 323.21

АНАЛИЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2009 г.

Ю.А. Балашов, И.Ю. Рябков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yurybalashoff@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.03.2009

Рассматриваются возможные направления эффективного взаимодействия между органами государственной власти России и российского научного сообщества в сфере регулирования межэтнических коммуникаций и профилактики конфликтов на этнической почве.

Ключевые слова: межэтнические коммуникации, мониторинг, разделенные этносы.

Современная российская политическая наука в ее этнополитическом направлении развивается достаточно быстрыми темпами. Идет применение новых и уже опробованных методик в новых российских условиях, используются самые современные способы и средства обработки и анализа данных. Все это сопровождается резким количественным увеличением работ по этнополитической проблематике. Казалось бы, за количественным прорывом должен последовать качественный, так как описательных работ набралось огромное множество. Но, к сожалению, сегодня мы можем сказать, что общее развитие этнополитических исследований идет в экстенсивном ключе, т.е. ни о каком качественном прорыве пока говорить нельзя.

Российские ученые в последние годы уделяли большое внимание проблемам федеративных отношений, вопросам этнокультурного развития отдельных этнических групп, международному контексту развития межнациональных отношений и разрешению конфликтов на национальной почве. При этом работы носили на 95% описательный характер, что снижало их ценность как научного труда. Кроме того, уже для многих стало очевидно, что российская этнополитическая мысль разделилась на две, практически изолированные друг от друга школы, примыкая к одной из которых ученый автоматически лишается возможности использовать плюсы другой. Всех, кто пытался теоретически или практически выйти на объединение примордиализма и конструктивизма, обвиняли в эклектизме и ставили в ряд «ученых-маргиналов».

Примордиализм новой российской этнополитологии вырос по большому счету из советского примордиализма Ю. Бромлея [1]. Однако

большинство современных авторов склонны называть основоположником современного российского примордиализма Л. Гумилева [2]. Безусловно, что оба эти автора оказали серьезнейшее воздействие на развитие русской этнологии как в советское, так и в российское время, но Л. Гумилев все-таки строил большинство своих теоретических работ на критике работ Ю. Бромлея, при этом изменяя элементы теории, не вырабатывая новой логики понимания этнополитических процессов. Современная примордиалистская этнополитология представлена в основном региональными авторами, которые пытаются с помощью отдельных положений Л. Гумилева, которые жестко вырываются из контекста, обосновать те или иные этнокультурные или даже политические претензии одного субъекта политики к другому¹. При этом зачастую большинство процессов в этнических средах и их связь с политикой описываются не объективно, формируя у читателя впечатление о неразрывной зависимости между развитием культуры и политическими процессами². Стоит ли говорить, что большинство данных публикаций далеки от научной объективности и решают задачи не научного, а политического характера.

На другом полюсе российской этнополитологии располагается большая группа ученых, которые за теоретическую основу своих исследований берут конструктивизм. Многие из них в бурные 90-е пытались отрицать наличие этничности как реально существующего явления, опирающегося на историческое и социальное развитие социальных групп³. Некоторые из них участвовали в разработке Концепции государственной национальной политики 1996 года, что отразилось и на взглядах большинства федеральных чиновников, занимающихся сферой

межнациональных отношений. Конструктивисты избрали для исследования поле глобальных обобщений и прогнозирования на самом высшем уровне. Их интересовали определяющие тенденции в развитии этнополитических процессов в России, влияние социальных и политических трансформаций на их протекание. При этом конструктивистами практически полностью игнорировались исследования, связанные с полевыми исследованиями этнических групп, находящихся в стадии модернизации. Это привело к односторонней трактовке этнополитических процессов и смещению акцентов к виртуализации этнической идентичности у этнических групп.

В сумме научное сообщество получило две противостоящие друг другу научные парадигмы, за годы превратившиеся в политические идеологии. Даже крен В. Тишкова в сторону учета этничности и этнического фактора в его последних работах⁴ не дает оснований полагать, что конструктивисты значительно корректируют свой подход. Фактически, на данном этапе можно говорить, что официальная парадигма этничности федерального центра абсолютно противоположна пониманию этничности в регионах, особенно в республиках, для которых примордиализм за последние 20 лет стал догмой, от которой невозможно отказаться, иначе будет размыта идеологическая основа самого существования такого вида субъекта Российской Федерации, как национальная республика.

На современном этапе научное сообщество стоит перед проблемой синтеза существующих парадигм, т.к. именно данный шаг может дать качественный прорыв в исследованиях этнополитических процессов в России. Формирование синтетической парадигмы исследований в этнополитологии будет означать нахождение компромиссного взгляда между федеральным центром и республиканскими элитами на этнополитическое развитие страны. Пока же научное сообщество, как и политическая элита, остаются расколотыми на два лагеря, каждый из которых не намерен идти на сближение, что доказывает новый проект Концепции государственной политики России и уже принятый вариант Концепции национальной политики Республики Татарстан.

Однако кроме чисто парадигмальных споров в российской этнополитологии достаточно серьезно на данном этапе стоит проблема повышения эффективности деятельности научно-исследовательских учреждений и работы ученых в сфере изучения межнациональных отношений [3]. Большинство российских этнополи-

тологов на современном этапе являются преподавателями в высших учебных заведениях и осуществляют исследования либо по государственному, либо по частным грантам. При этом заказчики требуют высокого качества работы за минимальные сроки. Тематика же исследований порой настолько широка, что даже при эффективном расходовании рабочего времени и с учетом преподавательской деятельности по совместительству охватить весь объем информации бывает просто невозможно.

В этой связи возникает вопрос об элементарной эффективности того подхода, который используется в современном российском научном сообществе по отношению к исследованию этнополитических процессов. Единственным же заказчиком, который мог бы на современном этапе обеспечить эффективное распределение ресурсов исследования и спланировать деятельность научного организма таким образом, чтобы получить оптимальный результат (качественное, аналитически построенное исследование) за минимальные сроки, является государство или федеральный центр. При этом органы государственной власти сегодня как никогда заинтересованы в возникновении структур в научном сообществе, которые бы проводили качественные исследования. Скрытый спрос на подобный товар сейчас колоссален [4].

Безусловно, от государства сейчас требуется не только финансирование, но и организация работы ученых, но так как само оно отражает уже вчерашний день в управлении обществом, перестроиться будет очень сложно.

В общем, проблемы взаимодействия научного сообщества этнополитологов и органов государственной власти можно отразить в пяти пунктах:

1. *Проблема построения теоретического пространства научного сообщества.* Хотя проблема вроде бы носит чисто теоретический характер, но решение у нее все-таки политическое. Разработка синтезированной парадигмы позволит преодолеть раскол в российской этнополитологии и использовать тот огромный потенциал, который накопили многие региональные школы в республиках для формирования устойчивой этнополитической системы, которая бы помогла России развиваться без серьезной оглядки на проблему сепаратизма. В этом плане действия федеральных органов государственной власти являются определяющими.

2. *Проблема профессиональной ориентации кадров.* Для большинства этнополитологов, да и всех гуманитариев, преподавание является основным источником заработка, и именно на нем

сосредоточено основное внимание ученых. При этом профессиональная ориентация у специалиста из-за этого остается настолько широкой, что впоследствии при обращении к нему со стороны заказчиков возникает вопрос: а в какой конкретной области он специалист? В этой связи необходимо отметить, что преподавательская деятельность должна являться для ученого лишь одной из видов работы, но не основной.

3. *Проблема обеспечения спроса на исследование предложением.* Современный рынок этнополитических исследователей в большинстве случаев заполняют на сегодняшний момент историки и этнологи, которые за редким исключением остаются профессионалами именно в тех сферах, где они получили первое образование. Поэтому, когда государство предлагает исследовать этнополитические явления, в подавляющем большинстве случаев оно получает работу, в которой аналитическая и прогностическая часть в сумме составляют не более 10%. При этом и прогнозы строятся в большинстве случаев «на интуиции», т.е. ученый не может проследить четкую цепочку мыслей от результата исследования до прогноза на будущее. Это стало своего рода патологией для современной российской этнополитологии. Поэтому скрытый спрос на исследования со стороны государства сейчас во много раз превышает предложение. Московские ученые, к сожалению, также в этом плане являются не исключением, а лишь одним из локальных вариантов региональных этнополитологов, исследующих феномены этнополитического развития московского региона с конструктивистских позиций и не предлагающих эффективного рецепта для решения проблем общероссийского масштаба.

4. *Проблема эффективного управления этнополитическими процессами на региональном и федеральном уровнях.* Проблема вроде бы носит чисто практический характер и к научному сообществу имеет весьма опосредованное отношение. Это суждение было бы верно, если бы речь не шла об этнополитических процессах. На сегодняшний день проблема *управления* для российской этнополитологии такой же камень преткновения, как и конфликт примордиалистов и конструктивистов. Теоретические модели, описываемые в учебниках по этнополитологии и этноконфликтологии, хороши до той поры, пока не встречаются с российской практикой, которая оказывается «интереснее» любой модели. При этом в чиновничьей среде, особенно на региональном уровне, сейчас ощущается острый дефицит кадров, которые бы могли эффективно применять какие-либо методики,

осуществлять эффективный мониторинг процессов в этнополитическом пространстве.

5. *Проблема структуризации знания и его эффективного использования.* Использование информации и ее эффективное применение на сегодняшний день является одним из определяющих факторов как в государственном управлении, так и в научной работе [5]. К сожалению, ни у государства, ни у научного сообщества нет отрегулированной системы накопления информации по определенным проблемам. Большинство использует информацию, предоставленную средствами массовой информации, что оказывает серьезное влияние как на возможность ее использования, так и на характер самой информации. О профессионализме журналистов в иных сферах написаны уже десятки и даже сотни статей, в которых анализируются их действия по изменению первоначальной информации и оказанию влияния на лиц, принимающих решения.

Все вышеперечисленные проблемы могут быть решены только при наличии открытого и эффективного взаимодействия между органами государственной власти. При этом необходимо понимать, что научные исследования нужны государству не меньше, чем ученым – дотации от государства.

На современном этапе наиболее удачной формой научно-исследовательской организации может быть научно-исследовательский институт, финансируемый федеральными органами государственной власти и пользующийся информационными ресурсами органов государственной власти. При этом он должен заниматься не только исследованиями, но и текущим мониторингом, так как необходимость в оперативных действиях для государства сейчас важна как никогда.

Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений вообще следует выделить как особый вид исследования. К сожалению, многие ученые и государственные деятели недооценивают его важность и подвергают анализу только наиболее заметные в средствах массовой информации события. Опять же это накладывает отпечаток и на качество проводимой работы. На сегодняшний день в России не существует ни одной системы мониторинга межнациональных отношений, которая бы работала в режиме реального времени. Большинство государственных систем и научно-исследовательских проектов построены на анализе событий за какой-либо промежуток времени. Часто для удобства в работе и, казалось бы, уменьшения трудозатрат этот промежуток времени ока-

зывается достаточно большим: квартал, полгода, год. При этом заказчик и исполнитель заранее соглашаются на то, что исследование ситуации будет неполным с точки зрения событийного ряда: либо из него будут выпущены какие-либо «незначительные» события, либо объем информации такой, что исполнитель (как правило один) тонет в объеме информации и не способен к анализу происходящих процессов в реальном времени.

На наш взгляд, современный мониторинг межнациональных отношений в Российской Федерации должен вестись совместными усилиями органов государственной власти и научного сообщества, быть структурирован как по региональному, так и по тематическому принципу, т.е. систематизация и анализ информации должны вестись как в разрезе проблем конкретного региона, так и в направлении исследования конкретной тематики, а также содержать прогностическую часть, рассчитанную на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Естественно, создание подобных научно-исследовательских структур может быть осуществлено только при решающей роли государства, потому что оно первое заинтересовано в получении результатов от новой структуры. Таким образом, системный и эффективный анализ этнополитических процессов в Российской Федерации должен основываться на трех основополагающих элементах: 1) преодолении парадигмального раскола в научном сообществе этнополитологов; 2) систематизации работы специалистов и интенсификации внедрения результатов научных исследований как в политическую практику, так и в учебный процесс для воспроизводства квалифицированных кадров; 3) организации эффективного взаимодействия научного сообщества с органами государственной власти.

Сотрудничество российских органов государственной власти с исследовательскими кругами, скажем так, обречено на развитие в силу, во-первых, полиэтничности России, а также в силу того, что на территории РФ представлены все этностатусные категории, взаимодействие которых чревато конфликтами. Управление государством в этих условиях должно опираться на серьезные этнополитические исследования как фундаментального, так и прикладного характера, способствующие не только разработке рецептов урегулирования уже проявившихся конфликтов, но и профилактике актуализации конфликтных ситуаций, находящихся в латентном состоянии. Дополнительным стимулом к развитию такого сотрудничества стали внешне-

политические шаги российского руководства, связанные с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии, которое потенциально способно актуализировать, в частности, проблему разделенных народов в масштабах всего постсоветского пространства.

Данная проблема максимально сложна, что является результатом действия специфических характеристик обозначенного этнополитического феномена:

1) данные группы являются автохтонами и составляют абсолютное или относительное большинство на территории компактного проживания. Названная характеристика предопределяет тот факт, что элиты разделенных этносов не принимают факта доминирования над ними других этнических групп, исторически обосновывая свои статусные претензии и рассматривая факт разделения своего этнического пространства в качестве избранной травмы, что, в свою очередь, способствует формированию соответствующих негативных авто- и гетеростереотипов;

2) этническое пространство таких общностей «разрезано» политическими пространствами нескольких государственных образований, что предопределяет интернационализацию практически любого конфликта с их участием;

3) этническая идентичность представителей данных общностей, как правило, доминирует над гражданской и служит основой для разработки этнической элитой ирредентистских проектов, направленных на создание государственных образований на части территорий «разделяющих» государств. Эта характеристика определяет непризнание соответствующими элитами легитимности существующих границ;

4) лидеры названных общностей активно проводят пропагандистские кампании, направленные на укрепление солидарности представителей данных этнических групп, проживающих по разные стороны границы;

5) в рамках данных этнических общностей функционирует система формальных и/или неформальных институтов, обеспечивающих трансграничное сотрудничество между частями этноса, расположенными по разные стороны государственных границ, и формирующих условия для интегрированности культурного пространства этноса в целом;

6) представители данных этнических групп формируют политические партии, организации и движения (как легальные, так и нелегальные), деятельность которых направлена на отстаивание ирредентистских проектов как на уровне руководства «разделяющих» государств, так и на международном уровне [6].

Применительно к политическому пространству России ситуация усугубляется еще и тем, что она является федеративным государством, состоящим из разностатусных субъектов, границы которых четко определены и так же, как и государственные границы, делят этническое пространство отдельных народов. Особенности воздействия на внутрисубъектные процессы лезгинской, осетинской и других проблем диктуют необходимость эффективного мониторинга процессов, развивающихся на территории их компактного проживания по разные стороны государственных границ. Эта необходимость диктуется также тем, что проблема разделенных народов может быть использована для защиты внешнеполитических интересов РФ в регионе Большого Кавказа, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и т.д.

Методика мониторинга такого рода, как представляется, достаточно сложна и должна состоять как минимум из пяти основных элементов, использование которых позволит составить максимально полное (насколько это возможно) представление о направлениях развития процессов в среде разделенных этносов и прогнозировать возможные негативные проявления обозначенной проблемы.

В качестве первого элемента методики необходимо выделить анализ деклараций ирредентистского характера, провозглашаемых элитой этнических групп, пространство которых разрезано границами государственных образований. Такой анализ позволит, во-первых, определить наличие или отсутствие объединительных настроений, во-вторых, выделить социальные страты, являющиеся питательной средой для ирредентистских настроений и определить их мотивы, в-третьих, определить, являются ли ирредентистские настроения результатом внешнего воздействия, или же они детерминированы развитием этнического самосознания, характерным для всех сегментов разделенного этноса. Примером деклараций такого рода могут служить заявления руководства Южной Осетии о том, что «осетинскому народу не нужны две Осетии...», рассчитанные как на этнических осетин, так и на политическую элиту Российской Федерации, рассматривающую «южных» осетин в качестве одного из инструментов воздействия на грузинское руководство и защиты своих интересов на Южном Кавказе. Другим примером, не менее репрезентативным, являются декларации лезгинских ирредентистских структур, таких как движение «Садвал» и аффилированных с ним организаций, провозглашающих идею выделения территорий компакт-

ного проживания лезгин из Азербайджана и Дагестана и создания республики «Лезгистан» в составе РФ. Сами заявления такого рода говорят о неудовлетворенности лезгин своими статусными позициями, определяемыми Махачкалой и Баку, а также, по мнению ряда российских политологов, о том, что уже сейчас Лезгистан способен дистанцироваться от Махачкалы, что может вызвать непредсказуемые последствия, связанные с дестабилизацией обстановки на Кавказе в целом [6].

В качестве второго элемента интересующей нас методики может выступать анализ институтов, создаваемых ирредентистски настроенными представителями этнополитических элит для реализации своих объединительных проектов. Данный элемент также представляется весьма важным, т.к. позволяет судить о серьезности и обоснованности намерений лидеров разделенного этноса. Количество институтов, сложность и разветвленность их структур, наличие у них возможностей воздействия на общественные настроения по разные стороны государственных границ, а также механизмов взаимодействия друг с другом позволяют делать выводы о том, насколько реализуемы ирредентистские декларации в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе и насколько (а также каким образом) они способны дестабилизировать обстановку в том или ином регионе. Кроме того, анализ соответствующих институтов позволит определить методы реализации ирредентистских проектов, выделить ту роль, которую в этом процессе призвана играть нелегальная (возможно – экстремистская или террористическая) деятельность, а также деятельность, связанная с апеллированием к мировому общественному мнению, нормам международного права и т.д.

Для четкого понимания ситуации в местах компактного проживания разделенных этносов необходимо учитывать уровень консолидированности их элиты, от которого зависит успешность ирредентистских проектов и возможность соответствующей элиты воздействовать на политику руководства разделяющих государств. Очевидно, что сам факт разделения этнического пространства предопределяет наличие нескольких этнополитических элит одного и того же этноса, т.к. каждый сегмент разделенного народа неизбежно должен сформировать собственную элиту для защиты своих прав и обеспечения относительно высокого статуса соответствующей этнической группы. Кроме того, в рамках элиты, представляющей каждый отдельный сегмент этноса, могут разрабатываться самые

разные подходы к решению его экономических, политических и социальных проблем, более или менее радикальные. Высокий уровень консолидации элиты по разные стороны границы, наличие у нее общеразделяемых идей, целей и методов действия стимулируют рост ирредентистских настроений, создают угрозу дестабилизации политического пространства разделяющих государств. В этом случае изменение расстановки сил в регионе, где развиваются такие события, практически неизбежно, т.к. элиты способны мобилизовать для реализации своих проектов значительные людские, финансовые и материальные ресурсы, а также способны апеллировать к международным институтам, что автоматически приведет к интернационализации конфликта, которая, скорее всего, затруднит его урегулирование, сделает конфликт затяжным.

Разобщенность элиты, вызванная в том числе клановым или племенным партикуляризмом, способствует ослаблению этнической солидарности при сохранении собственно этнической идентичности. В этих условиях ирредентистские проекты становятся неким символом, а сами сегменты разделенного этноса стремятся не к объединению, а к повышению своего статуса в границах существующих государственных образований. Вместе с тем такая ситуация не является гарантией отсутствия конфликта, т.к., даже не испытывая ирредентистских устремлений, элита может использовать феномен разделенности своего этноса для воздействия на правящие круги разделяющих государств.

Постоянный мониторинг ситуации в элите разделенных этносов позволит прогнозировать возможные конфликты, активизацию или «затухание» ирредентистских настроений, способных дестабилизировать политическое пространство того или иного разделяющего государства. Отслеживание процессов, протекающих в рамках элит, позволит лучше понять смысл деклараций ирредентистской направленности, более адекватно оценить эффективность ирредентистских институтов и составить представление о возможных перспективах их развития.

Создание репрезентативной картины разнообразных процессов, развивающихся в среде разделенных этносов, практически невозможно без анализа того, каким образом феномен разделенности этнического пространства воспринимается представителями различных социальных групп, а также каким образом данные группы относятся к объединительным и/или сепаратистским проектам, генерируемым элитой. Действительно, эффективность институтов

ирредентистского характера, а также популярность соответствующих деклараций зависят от того, насколько широкой является социальная база объединительной идеологии. Очевидно, что, если идеи объединения и суверенизации территории компактного проживания поддерживаются широкими слоями населения, дестабилизация политического пространства разделяющих государств практически неизбежна. Если же объединительные идеи не находят поддержки за пределами узкого круга политической и интеллектуальной элиты, можно предположить, что без внешнего вмешательства, без целенаправленного конструирования статусного конфликта, ирредентисты будут не в состоянии нарушить сложившуюся этнополитическую систему соответствующих государств или регионов. Оценка диапазона социальных сил, заинтересованных или незаинтересованных в реализации ирредентистских идей, позволит, помимо всего прочего, реконструировать механизмы стимулирования объединительных настроений или же, наоборот, их ослабления, что, в свою очередь, позволит создать технологии противодействия зарубежному вмешательству в дела этносов, разделенных государственными границами, тем более что разделенные этносы потенциально являются инструментом давления на руководство разделяющих государств. Представляется, что применительно к России в качестве инструментов такого рода могут выступать осетинская и лезгинская проблемы, способные либо укрепить, либо ослабить российское влияние в регионе Большого Кавказа.

Наиболее актуальным в настоящее время является оценка социальной базы осетинского ирредентизма, перспективы которого неоспорны. С одной стороны, события августа 2008 г. продемонстрировали солидарность представителей двух сегментов осетинского этноса, проявившуюся в недрах практически всех социальных слоев. С другой стороны, уже к 2005 году некоторые осетинские исследователи отмечали, что весьма значительная часть населения Северной Осетии обеспокоена негативным воздействием выходцев из Южной Осетии на социальную стабильность в республике, что связано, во-первых, с ростом преступности, ставшим результатом миграции населения Южной Осетии на территорию РСО-Алании, а также недостаточно продуманной политикой североосетинского руководства в сфере расселения беженцев [7].

Неотъемлемой частью системы мониторинга этнополитических процессов в местах компактного проживания разделенных этносов должно

стать внимательное изучение молодежной политики соответствующих этнических элит. Сам факт наличия более-менее разработанной молодежной политики свидетельствует о том, что ирредентистские проекты носят долговременный характер, а их разработчики заинтересованы в обеспечении преемственности, обеспечивающей, во-первых, сохранить этническую идентичность представителей разделенных этносов, которая так или иначе подвергается эрозии, и, во-вторых, обеспечить относительно бесперебойное функционирование соответствующих институтов. Помимо всего сказанного выше, продуманная молодежная политика может способствовать воспроизводству ирредентистски настроенной элиты.

В настоящее время, как представляется, элита ни одного из разделенных этносов, имеющих отношение к России, пока еще не обладает сколько-нибудь продуманной программой работы с молодежью, однако потенциально функции институтов молодежной политики могут выполнять институты традиционного характера, а также неформальные сообщества молодежи, созданные по ее инициативе, но не соответствующие критериям, предъявляемым к организациям. В ряде случаев такие инициативы становятся основой для создания более-менее стройных и структурированных организаций. Примером инициатив такого рода может быть Ногайский молодежный центр, возникший, судя по всему, в результате активного обсуждения проблем сохранения культуры ногайского этноса в сети Интернет. Исследование таких инициатив представляется очень важным, в том числе и потому, что они при определенных обстоятельствах могут стимулировать рост ирредентистских настроений в различных социальных слоях и подтолкнуть соответствующие этнические элиты к активизации своей деятельности.

В целом, подводя итоги данной статьи, можно сказать, что сложность этнополитических процессов в современной России диктует необходимость активного развития прикладных ис-

следований соответствующего профиля. При этом, учитывая тот факт, что многие направления воздействия этнического фактора на политические процессы носят угрожающий характер, необходимо принятие неотложных мер для внедрения результатов этих исследований в повседневную практику органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях, а также в деятельность органов местного самоуправления.

Примечания

1. В этом отношении характерны работы татарских историков. См., например: Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Татар. кн. изд-во, 1999.
2. См., например: Валеев Р.С. Татары у себя дома. Казань: Магариф, 2005.
3. См., например: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
4. См., например: Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества // Этнопанорама. 2007. № 1–2.

Список литературы

1. Садохин А.П. Этнология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2006. С. 102.
2. Скворцов Н.Г. Этничность в процессе социальных изменений // Социально-политический журнал. 1996. № 3.
3. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: современное состояние и задачи // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов) / Под ред. Е.И. Степанова. М., 2001.
4. Из дискуссии на Международной конференции «Диалог культур и цивилизаций», Н.Новгород, 2006.
5. Соловьев А.И. Политическая теория и политические технологии. М., 2003.
6. Диаспоры и разделенные народы
7. Кочиева И., Маргиев А. Грузия. Этнические чистки в отношении осетин. М.: «Европа», 2005.

ANALYSIS OF ETHNIC PROCESSES IN RUSSIA: THEORY AND PRACTICE

Yu.A. Balashov, I.Yu. Ryabkov

Various forms of interaction between Russian government agencies and Russian experts in political science are considered with a view of effective regulation of inter-ethnic communications and preventing ethnic conflicts.

Keywords: inter-ethnic communications, monitoring, divided ethnic groups.